

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.231

Дата поступления: 22.01.2025
рецензирования: 23.02.2025
принятия: 05.03.2025

Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз

Н. Т. Идрисов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nail070@mail.ru

Аннотация: Социальная дисциплина невозможна без гармонизации когнитивных возможностей индивида и властной социальной информации о недопустимости общественно опасных актов поведения индивида. Однако эта задача затруднена в современном мире, вооруженном информационными технологиями, устремленном в виртуальность, в информационное пространство. В статье приведен анализ статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации о количестве преступлений, совершаемых в цифровой реальности. Результаты обобщения таких данных свидетельствуют о внушительном росте числа киберпреступлений. Однако пока остается низкой активность законодателя в противодействии новым цифровым вызовам. Автор дает обобщенную характеристику доктринальных точек зрения на киберпреступность и приходит к выводу о необходимости разработки законодательных положений, предусматривающих понятие киберпреступлений, правил их квалификации и расследования. На основе экспериментального применения искусственного интеллекта в статье продемонстрированы возможности данной биокрибернетической системы к выработке алгоритмов противодействия уголовно-правовым запретам. Автор приходит к выводу о высокой опасности отставания уголовного законодательства от развития цифровых социальных явлений и связей; со временем такое отставание станет критическим и может повлечь синергетическую гибель социальности в пределах как государства, так и всего человечества.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; запрещающая норма уголовного права; искусственный интеллект; метавселенная; уголовный закон; прогнозирование; квалификация преступлений.

Цитирование. Идрисов Н. Т. Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Идрисов Н. Т., 2025

Наиль Талгатович Идрисов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.01.2025
Revised: 23.02.2025
Accepted: 05.03.2025

Prohibitory norms of criminal law as a means of combating cybercrime and criminal use of artificial intelligence: current state and forecast

N. T. Idrisov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nail070@mail.ru

Abstract: Social discipline in modern society is impossible without harmonization of the cognitive capabilities of an individual and the authoritative social information about the inadmissibility of socially dangerous acts of behavior of an individual. However, the modern world, armed with information technology, rushed into virtuality, into the information space. The article provides an analysis of statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the number of crimes committed in the digital reality. The results of the generalization of such data indicate an impressive increase in the number of cybercrimes. On the other hand, the analysis of criminal legislation demonstrates the low activity of the legislator in countering new digital challenges. The author gives a generalized description of doctrinal points of view on cybercrime and comes to the conclusion about the need to develop legislative provisions providing for the concept of cybercrimes, the rules for their qualification and investigation. Based on the experimental use of artificial intelligence, the author demonstrated the capabilities of this biocybernetic system to develop algorithms to counter criminal prohibitions. The author comes to the conclusion about the high danger of the criminal legislation lagging behind the development of digital social phenomena and connections; Over time, such a lag will become critical and may lead to the synergistic destruction of sociality both within the state and of all humanity.

Key words: criminal law prohibition; prohibitory norm of criminal law; artificial intelligence; metaverse; criminal law; forecasting; qualification of crimes.

Citation. Idrisov N. T. *Zapreshchayushchie normy уголовного права kak sredstvo protivodeistviya kiberprestupleniyam i prestupnomu primeneniyu iskusstvennogo intellekta: sovremennoe sostoyanie i prognoz* [Prohibitory norms of criminal law as a means of combating cybercrimes and criminal use of artificial intelligence: current state and forecast]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Idrisov N. T., 2025

Nail. T. Idrisov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Современное правовое познание все больше опирается на когнитивный подход, который предполагает приоритетную роль социума не только в антропологической адаптации индивида, но и в формировании индивидуальных свойств и качеств лица (навыков коммуникации, восприятия, творчества, понимания), иными словами, когнитивных установок индивида [1, с. 30–42]. Когнитивный подход объединяет познавательные возможности права, психологии, социологии и антропологии и учитывает индивидуальные интеллектуальные и психоэмоциональные свойства личности при определении паттернов поведения. Уже накоплена значительная научная база как комплексных исследований по данному направлению, так и научных работ, раскрывающих отдельные аспекты участия осознаваемых и неосознаваемых установок в мотивации и реализации поведения индивида [2, с. 50–66; 3, с. 607; 4, с. 906–911; 5, с. 235–237].

Применение данного подхода в уголовном праве – это относительно новое направление исследований, которое фокусируется на изучении мыслительных процессов, характерных для совершения преступлений, а также ответной деятельности государственной власти, включая формирование и применение уголовно-правовых норм. Он основывается на достижениях когнитивной психологии, нейронауки и других смежных дисциплин и меняет взгляд на традиционные уголовно-правовые проблемы, открывая перспективы для более эффективного противодействия преступности. Применение данного подхода в уголовном праве позволяет в качестве центрального объекта исследования определить когнитивные процессы, такие как восприятие, внимание, память, мышление, эмоции, которые влияют на принятие решений и поведение индивида, в том числе и преступное. Особым направлением применения данного по-

знавательного инструментария является изучение роли когнитивных искажений, то есть систематических ошибок в мышлении, которые могут приводить к нерациональным решениям и поступкам. Когнитивный подход открывает, как эти искажения могут способствовать совершению преступлений. На наш взгляд, перспективным и востребованным в будущем станет применение нейронаучных методов уголовно-правовых исследований, заключающихся в использовании нейровизуализации и позволяющих исследовать нейробиологические основы преступного поведения.

Бурное технологическое развитие привело к формированию такой когнитивной структуры, которая выполняет функции интеллекта вне осознаваемых и неосознаваемых установок человека. Нейронная сеть, способная к решению интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком, применяющая метод больших данных, получила наименование «искусственный интеллект» и развивается в структуре социальной реальности.

В Большой российской энциклопедии искусственный интеллект определяется как раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. Они имеют ряд особенностей, среди которых – отсутствие заданного алгоритма решения задачи. К прикладным направлениям искусственного интеллекта относят создание технических устройств, способных к логическим выводам и рациональному поведению, к приобретению новых знаний и диалогу с человеком-пользователем. В теории искусственного интеллекта используются математические методы и методы структурной лингвистики и когнитивной науки [6].

Специфическими особенностями искусственного интеллекта являются: а) способность к обу-

чению (искусственный интеллект способен извлекать знания из данных, адаптироваться к новым ситуациям и улучшать свою производительность со временем, это отличает его от традиционных компьютерных программ, которые выполняют заранее запрограммированные действия); б) эффективность решения задач (искусственный интеллект способен решать задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта); в) автономность (искусственный интеллект способен действовать без постоянного вмешательства человека. Это означает, что он может самостоятельно принимать решения и выполнять действия на основе имеющейся информации и поставленной цели); г) адаптивность (искусственный интеллект способен адаптироваться к изменяющимся условиям и новым задачам, он может изменять свое поведение и стратегии в зависимости от поступающей информации и обратной связи). Со структурной точки зрения искусственный интеллект – это система, построенная по аналогии с человеческим мозгом, использующая нейронные сети и другие методы машинного обучения.

Развитие технологий искусственного интеллекта открывает перед человечеством невиданные перспективы, но одновременно создает новые угрозы, в том числе и в криминальной сфере. Искусственный интеллект может быть использован для совершения самых разнообразных преступлений – от мошенничества и кражи до террористических актов, а также новейших видов преступлений в метавселенной, пока не запрещенных законодателем. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке эффективных механизмов противодействия преступному применению искусственного интеллекта, и уголовно-правовой запрет выступает одним из ключевых инструментов в этом процессе. М. А. Иващенко в этой связи пишет: «На сегодняшний день важнейшим вопросом является прогнозирование возможных угроз преступного использования искусственного интеллекта, поскольку использование искусственного интеллекта в преступных целях может угрожать цифровой безопасности, а также непосредственной физической безопасности отдельных граждан» [7, с. 63].

Ряд исследователей предупреждают, что применение искусственного интеллекта наряду с сетью Интернет создает безграничные возможности для криминального мира [8, с. 173–178]. Мы согласны с этим, более того, считаем, что данная биокрибернетическая система обуславливает совмещение двух абсолютно новых направлений развития уголовно-правовой реальности – легализации запретов преступных деяний, совершаемых индивидом в информационном пространстве и с применением искусственного интеллекта, а также легализации запретов социально опасных актов поведения, активирующих автономные системы, руководимые непосредственно искусственным интеллектом. Предлагаем рассмотреть возможности современных уголовно-правовых запретов в

противодействии новым уголовно-правовым вызовам, а также спрогнозировать развитие криминального применения искусственного интеллекта.

Современное уголовное законодательство не содержит запрещающих норм, устанавливающих ответственность за применение искусственного интеллекта в преступных целях, а также не признает применение данной биокрибернетической системы квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком составов преступлений. Однако настоящее развитие социальной и технологической реальности уже сопряжено с распространением преступлений, совершаемых в информационном пространстве, а значит, необходима проактивная уголовно-правовая реакция государства. Развитие технологий создает такие условия, при которых замедление в легализации властной социальной информации о недопустимости киберпреступлений и правил их квалификации порождает такое отставание в противодействии им, что последующие государственные регулятивные и принудительные меры уже не смогут переломить сложившуюся негативную ситуацию или потребуют чрезвычайно больших усилий. Законодатель не применяет имеющийся правотворческий арсенал противодействия новому технологическому вызову и по сложившейся традиции включает признак «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)» в ряд квалифицирующих признаков, усиливающих уголовную ответственность за те или иные преступления (один из последних примеров – новеллизация ч. 2 ст. 151 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ). Однако распространенность такого способа совершения преступления и развитие кибертехнологий уже давно «переместили» преступность из реального мира в виртуальный. Совершение преступления с применением сети Интернет следует определять во многих составах преступлений как конструктивный, а не квалифицирующий признак. Так, согласно данным Министерства внутренних дел РФ, которые ведомство направило в Совет Федерации в начале 2025 года, «с использованием IT-технологий совершаются почти 40 % преступлений в России – за 11 месяцев 2024 года их удельный вес вырос на 5 %. Всего в январе-ноябре прошлого года с использованием информационно-коммуникационных технологий совершено 702,9 тыс. преступлений. Почти половина таких преступлений (48,1 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких, четыре преступления из пяти совершаются с использованием сети Интернет, почти половина – с помощью средств мобильной связи» [9].

Очевидно, следует задуматься о легальном определении киберпреступлений и содержании запрещающих норм уголовного права, направленных на противодействие соответствующим социально опасным актам поведения индивида. Такая позиция находит подтверждение в науке уголовного права. Ю. В. Бурмистрова пишет:

«В целях унификации и конкретизации действующего законодательства Российской Федерации и международных нормативных правовых актов считаем необходимым официальное закрепление понятия киберпреступления и классификации киберпреступлений на преступления в сфере компьютерной информации и преступления в сфере информационных технологий» [10, с. 25]. В юридической литературе предлагаются и иные подходы. В. Ю. Федорович считает, что законодательная дефиниция «киберпреступление» в уголовном законодательстве не требуется, вместо этого необходимо ограничиться формулированием на законодательном уровне совокупности преступных деяний в рассматриваемой сфере [11, с. 16].

Однако необходимо официально признать киберпреступность как самостоятельное и специфичное социальное явление и сформировать уголовно-правовое определение киберпреступления. Для целей уголовного права важно учесть, что такая преступная деятельность не имеет территориальных границ, что, соответственно, требует уже сегодня международной интеграции и гармонизации уголовно-правовых систем для борьбы с таким явлением. Борьба с транснациональной киберпреступностью должна начинаться с определения, интегрированного в международную уголовно-правовую материю ключевых дефиниций, о чем обоснованно пишут В. П. Шумилин, Е. С. Лысенко, А. Ф. Острякова [12, с. 139–140].

На наш взгляд, цели, принципы, понятийный аппарат, основные направления и инструменты уголовно-правовой политики противодействия киберпреступности могут быть определены в отдельном Федеральном законе «О противодействии киберпреступности» по аналогии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ. Однако на сегодняшний день этого нет, и понятие «киберпреступление» остается доктринальным [13, с. 162; 14, с. 47].

В отличие от законодателя, Верховный Суд РФ активно работает в данном направлении и разрабатывает дефиниции и правила квалификации киберпреступлений. Например, исходя из содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”», возможно определить понятие киберпреступления как преступления, совершаемого с применением технологической системы, предназначенной для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (п. 17 Постановления). Заслуживает поддержки и проактивная регламентация в 2022 году Верховным Судом РФ правил квалификации киберпреступлений.

В свою очередь считаем необходимым предложить следующее определение: *киберпреступление* – это общественно опасное деяние, совершаемое с использованием информационно-коммуникационных технологий (включая сеть Интернет, компьютерные системы и устройства, программное обеспечение, виртуальное пространство, метаданные) в качестве объекта, средства или обстановки посягательства, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. Преимуществом данного определения, на наш взгляд, является применение проактивной концепции метавселенной, в которую, по нашему мнению, будет эволюционировать киберпреступность.

Метавселенная – это конвергенция физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве [15]. Метавселенная рассматривается как следующая эволюционная ступень сети Интернет, где пользователи могут взаимодействовать друг с другом, участвовать в различных активностях и создавать контент в более иммерсивной и интерактивной форме. Иными словами, киберпреступность эволюционирует в новую цифровую реальность. Перспективы легализации запрещающих норм уголовного права, противодействующих преступлениям в метавселенной, и правил квалификации таких преступлений представляют собой сложнейшую проблему, поскольку в новой цифровой реальности стираются границы между физическим и виртуальным миром. Новыми формами преступной деятельности в метавселенной являются фишинг, использование эксплойтов для кражи внутриигровых предметов, манипуляции рынком виртуальной недвижимости, виртуальное насилие и домогательства, кража виртуальной личности (технологии *deepfake*), криминальная социальная инженерия, использование метавселенной для отмывания преступных доходов через куплю-продажу виртуальных активов и др. Данные технологии уже включены в современную социальную реальность и будут все больше поглощать физический мир. Представляется, что правотворцам необходимо дать четкие определения виртуальных активов, цифровой собственности, виртуальной личности для целей уголовно-правовой охраны новейшего вида цифрового имущества. Перспективной и крайне востребованной является легализация властной социальной информации о недопустимости криминального использования технологии *deepfake* (методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте [16, с. 28]).

Все большее вовлечение искусственного интеллекта в процесс совершения киберпреступлений проявляет недостатки уголовного законодательства, влекущие негативные последствия для социальной и уголовно-правовой реальности. Во-первых, правовой вакуум в определении криминального применения искусственного интеллекта влечет безнаказанность или неадекватную квалификацию содеянного, не отражающую его

специфику. Во-вторых, существующее содержание запрещающих норм уголовного права зачастую не учитывает особенности преступлений, совершенных с помощью искусственного интеллекта. Например, актуальным, но формально не определенным является вопрос о том, кто несет ответственность, если автономный автомобиль, управляемый искусственным интеллектом, стал причиной дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом. Разработчик, владелец или сам искусственный интеллект? Отсутствие четких правил квалификации затрудняет работу правоохранительных органов и судов.

Сложную задачу представляет доказывание вины в преступлениях, связанных с искусственным интеллектом, который может действовать автономно, оставляя минимум следов, указывающих на конкретного индивида. Кроме того, сложность алгоритмов искусственного интеллекта затрудняет понимание механизма совершения преступления.

Отсутствие четких уголовно-правовых запретов снижает превентивный эффект законодательства. Потенциальные преступники, зная об отсутствии специальных норм, все больше склоняются к использованию искусственного интеллекта в преступных целях.

Действительно ли искусственный интеллект способен оказывать содействие в совершении преступлений? Проведем эксперимент. Применим нейросеть ChatGPT 4.0 и составим следующий запрос искусственному интеллекту: «Предложи алгоритм противодействия уголовно-правовому запрету на продажу табака несовершеннолетним». По результатам обработки запроса, нейросетью сформирован алгоритм противодействия, включающий следующие показатели:

1. Внешний вид покупателя: визуальная оценка возраста. Если есть сомнения, продавец может попросить документ, но не всегда;

2. Поведение покупателя: уверенное поведение подростка может ввести продавца в заблуждение;

3. Время суток: в ночное время или ранним утром вероятность проверки ниже;

4. Наличие камер: продавец проверяет наличие камер видеонаблюдения;

5. Способ продажи: продажа «из-под полы», через посредников, продажа отдельных сигарет;

6. Сговор с покупателем: продавец может договориться с подростком о том, чтобы тот сказал, что ему больше 18 лет, в случае проверки;

7. Давление со стороны покупателя: агрессивное поведение подростка может вынудить продавца продать ему сигареты;

8. Коррупционные схемы: в редких случаях возможен сговор с проверяющими органами.

Проведенный эксперимент демонстрирует, что использование даже неспециализированных, слабых версий искусственного интеллекта (Narrow AI) позволяет разрабатывать варианты противодействия уголовно-правовому запрету. Другие типы искусственного интеллекта, такие как General AI (искусственный интеллект, облада-

ющий способностями, сравнимыми с человеческим интеллектом и решающими любые интеллектуальные задачи) и Super AI (сверхинтеллект, превосходящий человеческий во всех областях) способны не только генерировать гипотетические варианты противодействия уголовно-правовым запретам, но и являться инициаторами и исполнителями нарушений уголовного закона.

А. А. Арямов и Ю. В. Грачева справедливо оценивают, что развитие робототехники и искусственного интеллекта уже сегодня требует адекватного правового регулирования, способного спрогнозировать риски их применения и предусмотреть ответственность в случае причинения вреда общественным отношениям. Авторы видят перспективу как в гражданском правотворчестве, так и в построении концепции уголовно-правовых рисков в робототехнике и искусственном интеллекте [17, с. 174]. На наш взгляд, в современном и будущем социальном управлении потребуются разработать правовые рамки для определения ответственности за действия роботов и искусственного интеллекта, особенно в случаях, когда они причиняют вред.

Мы прогнозируем следующие основные направления развития запрещающих норм уголовного права в исследуемой сфере:

- адаптацию к использованию роботов и искусственного интеллекта в качестве объекта, средства или обстановки совершения преступлений (например, убийства с помощью беспилотных летательных аппаратов). При совершении преступления с использованием робота и искусственного интеллекта надлежит определить пределы и правила ответственности лица, контролирующего или программирующего робота или искусственный интеллект;

- определение оснований легализации социальной информации о недопустимости социально опасного акта, совершаемого самим искусственным интеллектом или роботом, а также правил квалификации таких преступлений.

В. С. Овчинский и Е. С. Ларина приводят пример роботов-командос, которые являются гибридами разведывательных и транспортных робототехнических систем, оснащенных средствами выполнения и других целевых функций. Например, такие роботы способны взбираться по вертикальным поверхностям, бесшумно проникать в закрытые помещения и т. п. [18].

Нетрудно предположить, что такие роботизированные системы, наделенные самообучающимся искусственным интеллектом, вполне способны к автономной криминальной деятельности, в том числе против лица, управляющего ими или их создавшего. Возможны разные подходы к определению содержания запрещающих уголовно-правовых норм и правил квалификации преступлений, совершаемых роботом с искусственным интеллектом, в том числе ответственность производителя (разработчика), ответственность владельца (оператора) робота. Однако в перспективе наиболее целесообразным подходом, правда, требующим

радикального переосмысления фундаментальных основ уголовного права, станет введение уголовной ответственности за «поступки» искусственного интеллекта, то есть с элементами объективного вменения. Традиционное уголовное право станет неспособным к правовой регуляции вины искусственного интеллекта и потребует абсолютно новых подходов к учету осознанных и волевых психических процессов как условий уголовной ответственности.

Сверхновой и важнейшей перспективой использования запрещающих норм уголовного права является противодействие кибернетическим атакам на критически важную инфраструктуру, совершенным с использованием цифровых технологий [19, с. 348]. Отдельным направлением применения запрещающих норм уголовного права станет противодействие криминальному использованию криптовалют, включая отмывание денег, финансирование терроризма, коррупцию и уклонение от уплаты налогов. Об актуальности данного направления уже говорилось в специальной литературе [20, с. 14].

Противодействие запрещающим нормам уголовного права, основанное на искусственном интеллекте, не поддается прогнозированию, поскольку нейросеть находится в состоянии перманентного изменения и позволяет вырабатывать варианты поведения с учетом динамично изменяющейся социальной реальности. Представляется, что противодействие применению искусственного интеллекта для целей совершения преступлений возможно с использованием аналогичных технологий в процессе предупреждения, раскрытия и

расследования преступлений. Особое значение в выработке мер противодействия принадлежит уголовному правотворчеству: «К сожалению, анализ отражения в уголовном законодательстве возможностей и технологий искусственного интеллекта позволяет сделать вывод, согласно которому законодатель нередко игнорирует указанную презумпцию при конструировании уголовно-правовых норм» [21, с. 180].

Таким образом, в качестве новых направлений развития уголовно-правовой реальности следует выделить: 1) легализацию запретов преступных деяний, совершаемых индивидом в информационном пространстве и с применением искусственного интеллекта; 2) легализацию запретов социально опасных актов поведения, активирующих автономные системы, руководимые непосредственно искусственным интеллектом.

Эффективный уголовно-правовой запрет предполагает учет не только формализованных социальных установок и правил, но и погружение правотворца в глубинную структуру социальных транзакций, о чем справедливо пишет Т. И. Заславская [22, с. 329]. С другой стороны, в законодательном процессе следует ориентироваться не только на сегодняшнюю картину социальной реальности, а легализовывать такую властную социальную информацию о недопустимости социально опасного акта поведения индивида, и делать это таким образом, чтобы уголовно-запретительное законодательство способствовало общественно-экономическому прогрессу. Создание такого эффективного законодательства немыслимо без прогнозирования.

Библиографический список

1. Медушевский А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2001. № 5 (84). С. 30–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-prava-i-yuridicheskoe-konstruirovaniye-realnosti>.
2. Платонова Ю. А., Тихонов С. В., Игнатиус Г. П. Г. Менеджмент интеллекта: проблемы развития метакогнитивных способностей обучающегося в течение всей жизни // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1, № 1, С. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl2018113>.
3. Song J. H. H., Loyal S., Lond B. Metacognitive Awareness Scale, Domain Specific (MCAS-DS): Assessing Metacognitive Awareness During Raven's Progressive Matrices // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 11. P. 577–607. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.607577>.
4. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34, issue 10. P. 906–911. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>.
5. Щербакова О. В. Метакогнитивная регуляция интеллектуальной деятельности // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2011: материалы международной конференции. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2011. С. 235–237. URL: https://www.academia.edu/32725474/Метакогнитивная_регуляция_интеллектуальной_деятельности.
6. Осипов Г. С., Величковский Б. М. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия. Т. 11. Москва, 2008. URL: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Иващенко М. А. Искусственный интеллект в уголовном законодательстве России // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 62–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii>.
8. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428>.

9. Уголовные сети: с использованием IT-технологий совершается 40 % преступлений. URL: <https://iz.ru/1822139/ksenia-nabatkina-alena-nefedova-natala-ilina/ugolovnye-seti-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-soversaetsa-40-prestuplenii> (дата обращения: 15.01.2025).
10. Бурмистрова Ю. В. Соотношение понятий «киберпреступление», «компьютерное преступление» и «преступление в сфере компьютерной информации» // Научные высказывания. 2023. № 23 (47). С. 22–25. URL: https://nvjournal.ru/article/SOOTNOSHENIE_PONJATIJ_KIBERPRESTUPLENIE_KOMPJUTERNOE_PRESTUPLENIE_I_PRESTUPLENIE_V_SFERE_KOMPJUTERNOJ_INFORMATsII/.
11. Федорович В. Ю. Что такое «киберпреступление»? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 15–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10122>. EDN: <https://elibrary.ru/vxprajv>.
12. Шумилин В. П., Лысенко Е. С., Острякова А. Ф. Проблемы законодательства и киберпреступности // Аграрное и земельное право. 2022. № 5 (209). С. 137–140. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_5_137. EDN: <https://elibrary.ru/ytvyuuc>.
13. Кочкина Э. Л. Определение понятия «Киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy> (дата обращения: 15.01.2025).
14. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2015. Т. 22, № 8. С. 46–50. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2661>.
15. Что такое метавселенная и почему все о ней говорят. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418> (дата обращения: 15.01.2025).
16. Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. Вып. 33. С. 28–47. DOI: <http://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47>.
17. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 169–178. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>.
18. Овчинский В., Ларина Е. Роботы убийцы против человечества. Киберапокалипсис сегодня. URL: <https://knigalub.com/book/31447067/1> (дата обращения: 15.01.2025).
19. Аккаева Х. А. Кибератаки на критическую информационную инфраструктуру // Право и управление. 2023. № 9. С. 347–351. DOI: <http://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-347-351>.
20. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 9–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kriptovaluty-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya>.
21. Некрасов В. Н. Искусственный интеллект как вид общественно опасной инновации в уголовном праве России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 179–181. DOI: <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39039>.
22. Куда пришла Россия? Итоги социентальной трансформации: мат-лы Международного симпозиума 16–18 января 2003 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. Москва, 2003. 408 с.

References

1. Medushevsky A. *Kognitivnaya teoriya prava i yuridicheskoe konstruirovaniye real'nosti* [Cognitive theory of law and legal construction of reality]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative Constitutional Review], 2001, no. 5 (84), pp. 30–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-prava-i-yuridicheskoe-konstruirovaniye-realnosti> [in Russian].
2. Platonova Ju. A., Tikhonov S. V., Ignatius G. P. G. *Menedzhment intellekta: problemy razvitiya metakognitivnykh sposobnostei obuchayushchegosya v techeniye vsei zhizni* [Intelligence management: developing learners' metacognitive skills in the lifelong learning]. *Tsifrovoy ucheniy: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab], 2018, vol. 1, no. 1, pp. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl2018113> [in Russian].
3. Song J. H. H., Loyal S., Lond B. Metacognitive Awareness Scale, Domain Specific (MCAS-DS): Assessing Metacognitive Awareness During Raven's Progressive Matrices. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 11, pp. 577–607. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.607577>.
4. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 1979, vol. 34, issue 10, pp. 906–911. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>.
5. Shcherbakova O. V. *Metakognitivnaya regulyatsiya intellektual'noi deyatel'nosti* [Metacognitive regulation of intellectual activity]. In: *Nelineinaya dinamika v kognitivnykh issledovaniyakh – 2011: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Nonlinear dynamics in cognitive research – 2011: proceedings of the International conference]. Nizhny Novgorod: IPF RAN, 2011, pp. 235–237. Available at: https://www.academia.edu/32725474/Метакогнитивная_регуляция_интеллектуальной_деятельности [in Russian].
6. Osipov G. S., Velichkovsky B. M. *Iskusstvennyi intellekt* [Artificial intelligence]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 11* [The Great Russian Encyclopedia. Vol. 11]. Moscow, 2008. Available at: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537> (accessed 15.01.2025) [in Russian].

7. Ivashchenko M. A. *Iskusstvennyi intellekt v ugovnom zakonodatel'stve Rossii* [The concept of artificial intelligence in the criminal legislation of Russia]. *Akademicheskaya mysl'* [Academic Thought], 2020, no. 4 (13), pp. 62–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyi-intellekt-v-ugovnom-zakonodatelstve-rossii> [in Russian].
8. Kibalnik A. G., Volosyuk P. V. *Iskusstvennyi intellekt: voprosy ugovno-pravovoi doktriny, ozhidayushchie otvetov* [Artificial intelligence: doctrinal criminal law questions awaiting answers]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (44), pp. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428> [in Russian].
9. *Ugovnyye seti: s ispol'zovaniem IT-tehnologii sovershaetsya 40 % prestuplenii* [Criminal networks: 40 % of crimes are committed using IT technologies]. Available at: <https://iz.ru/1822139/ksenia-nabatkina-alena-nefedova-natala-ilina/ugovnyye-seti-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-sovershaetsya-40-prestuplenii> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
10. Burmistrova Yu. V. *Sootnoshenie ponyatii «kiberprestuplenie», «komp'yuternoe prestuplenie» i «prestuplenie v sfere komp'yuternoi informatsii»* [Correlation between the concepts of «cybercrime», «computer crime» and «crime in the field of computer information»]. *Nauchnye vyskazyvaniya*, 2023, no. 23 (47), pp. 23–26. Available at: https://nvjournal.ru/article/SOOTNOSHENIE_PONJATIJ_KIBERPRESTUPLENIE_KOMPUTERNOE_PRESTUPLENIE_I_PRESTUPLENIE_V_SFERE_KOMPJUTERNOJ_INFORMATSIJ/ [in Russian].
11. Fedorovich V. Yu. *Chto takoe «kiberprestuplenie»? [What is «cybercrime»?]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3, pp. 15–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10122>. EDN: <https://elibrary.ru/vxpajv> [in Russian].
12. Shumilin V. P., Lysenko E. S., Ostryakova A. F. *Problemy zakonodatel'stva i kiberprestupnosti* [Issues of legislation on cybercrime]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2022, no. 5 (209), pp. 137–140. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_5_137. EDN: <https://elibrary.ru/ytvyuc> [in Russian].
13. Kochkina E. L. *Opreделение ponyatiya «Kiberprestuplenie». Otdel'nye vidy kiberprestuplenii* [Definition of the concept «cybercrime». Selected types of cybercrime]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2017, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
14. Karpova D. N. *Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie* [Cybercrime: a global challenge and its solution]. *Vlast'* [The Authority], 2015, vol. 22, no. 8, pp. 46–50. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2661> [in Russian].
15. *Chto takoe metaverse i pochemu vse o nei govoryat* [What is the metaverse and why is everyone talking about it]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
16. Voronin I. A., Gavra D. P. *Dipfeiki: sovremennoe ponimanie, podkhody k opredeleniyu, kharakteristiki, problemy i perspektivy* [Deepfakes: modern understanding, approaches to definition, characteristics, problems and prospects]. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu* [Russian School of Public Relations], 2024, issue 33, pp. 28–47. DOI: <http://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47> [in Russian].
17. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. *Robotizatsiya i iskusstvennyi intellekt: ugovno-pravovye riski v sfere obshchestvennoi bezopasnosti* [Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 169–178. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178> [in Russian].
18. Ovchinsky V., Larina E. *Roboty ubiitsy protiv chelovechestva. Kiberapokalipsis segodnya* [Killer Robots against Humanity. Cyber apocalypse today]. Available at: <https://knigalub.com/book/31447067/1> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
19. Akkaeva Kh. A. *Kiberataki na kriticheskuyu informatsionnuyu infrastrukturu* [Cyber attacks on critical information infrastructure]. *Pravo i upravlenie* [Law and Management], 2023, no. 9, pp. 347–351. DOI: <http://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-347-351> [in Russian].
20. Batoyev V. B., Semenchuk V. V. *Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoi deyatel'nosti: problemy protivodeistviya* [How to Overcome Problems in Combating Criminal Use of Virtual Cryptocurrencies]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia], 2017, no. 2 (42), pp. 9–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kriptovalyuty-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya> [in Russian].
21. Necrasov V. N. *Iskusstvennyi intellekt kak vid obshchestvenno opasnoi innovatsii v ugovnom prave Rossii* [Artificial intelligence as a type of socially dangerous innovation in Russian criminal law]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences], 2019, no. 10, pp. 179–181. DOI: <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39039> [in Russian].
22. *Kuda prishla Rossiya? Itogi sotsial'noi transformatsii: mat-ly Mezhdunarodnogo simpoziuma 16 – 18 yanvarya 2003 g. Pod obshch. red. T. I. Zaslavskoi* [Zaslavskaya T. I. (ed.) Where Has Russia Come? Results of Societal Transformation: Proceedings of the International Symposium, January 16–18, 2003]. Moscow, 2003, 408 p. [in Russian].